

О ПРЕДПОСЫЛКАХ В ПОНИМАНИИ КРИТЕРИЕВ АДЕКВАТНОСТИ ТЕОРИИ ИСТИНЫ*

В статье исследуется проблема противостояния дефляционистского и субстантивистского подходов к решению проблемы критериев адекватности теории истины. Продемонстрирована, что как понимания того, каким критериям должна отвечать адекватная теория истины, так и самих этих критериев обусловлены двумя фундаментальными логико-эпистемологическими предпосылками в интерпретации языка: трактовка языка как исчисления и как универсального посредника.

Ключевые слова: истина, критерии адекватности теории истины, субстантивизм, дефляционизм.

«Обсуждение философских проблем страдает от отсутствия критерия их решения» – скорее всего, именно так определит причину пресловутой вечности философских споров как сторонний наблюдатель, так и представитель «позитивных» наук. Наступаемые время от времени в философии «затишья» в обсуждении той или иной проблемы не столько свидетельствуют в пользу ее окончательного разрешения, сколько говорят о смене «философской моды» на критерий решения проблемы, которая очень скоро может снова перемениться, обнаружив, что он оказался неадекватным, недостаточным и должен быть чем-то еще дополнен, либо в корне пересмотрен. На наш взгляд, это мнение не совсем верно отражает роль критерия решения проблемы, «социологизируя» его, лишая каких-либо эпистемологических оснований. На наш взгляд, исключительно социологическое толкование изменения стандартов решения философской проблемы и разночтения оценки с помощью того критерия получаемых результатов упускает «внутреннюю логику» этого критерия и его применения, которая основана преимущественно на эпистемологических основаниях. Классическая проблема истины, на наш взгляд, представляет увидеть эту внутреннюю логику развития критериев решения философской проблемы.

Интерес к проблеме истины на протяжении истории западной философии приобре-

тал время от времени отчетливые очертания, которые весьма быстро образовывали собой целые этапы в ее трактовке, характеризующие достижение устойчивого единства мнений философов в отношении указанной проблемы и критерия ее решения. Так, от Аристотеля и вплоть до Канта убеждение в том, что истина заключается в некоторого рода соответствии мыслей с реальностью, было вполне естественным для подавляющего большинства философов. Каноническим «решением» проблемы, которое может допускать толкования, критику и уточнение, но является верным по существу, на всем протяжении этого этапа является фраза Аристотеля: «...говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [Аристотель, 1975. С. 141]. После Канта утверждается новый взгляд на истину, который весьма быстро становится каноническим: истина существенно зависима от сознания и не служит более для обозначения простого отражения сознанием реальности. Вплоть до XX в. развитие кантовского взгляда на истину оборачивалось утратой веры в корреспондентную трактовку этого понятия, которое воспринималась уже как пережиток «метафизического прошлого». Становление и триумф неопозитивизма с непримиримым отрицанием всего, что могло попасть под слишком широкое определе-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-03-00397 «Формализация истинности и реализм теоретического знания»).

ние «метафизического», быстро привели к тому, что сама проблематика истины сначала утрачивает свое некогда почетное место в списке философских проблем, переставая быть ключом к решению гносеологических проблем, как это было во времена Локка, а затем и вовсе теряет права на звание философской проблемы, оказываясь «исключительно метафизической». Общее мнение в отношении возможности построения адекватной теории истины выразил, например, К. Поппер: «Причиной моего беспокойства в связи с понятием истины было, конечно, то, что это понятие в течение некоторого времени подвергалось нападкам ряда философов, причем на весьма серьезных основаниях. Меня пугал не столько парадокс лжеца, сколько трудности объяснения теории истины как соответствия: в чем может состоять соответствие высказывания фактам?» [Поппер, 2002. С. 302]. Нарастание сомнений в оправданности и самой возможности корреспондентной трактовки понятия истины привели к тому, что в XX в. философы разделились на два враждующих лагеря. Представителей первого можно назвать «реалистами», которые пытаются отстаивать трактовку истины как соответствия. Представителей второго лагеря можно назвать «верификационистами» (в широком смысле этого понятия), которые склонны трактовать истину как «подтверждаемость при идеальных условиях исследования», если обратиться к формулировке такого рода позиции Ч. С. Пирсом. Вместе с тем наиболее интересным и значимым для характеристики понятия истины в философии XX в. является то, что большая часть философов вообще предпочла не участвовать в споре указанных сторон и с готовностью отвергла понятие истины, заклеив его как «метафизическое». Эта позиция характерна для подавляющего большинства продолжателей эмпирической традиции: от неопозитивистов Венского кружка до американского прагматизма.

Мы видим, что как статус проблемы истины, так и «образцы» ее решения и само понимание того, в чем это решение должно состоять, не раз менялись в течение истории западной философии. Изменения эти связаны с возникновением и триумфом амбициозных философских направлений, сыгравших ключевую роль в истории философии. Такое чередование точек зрения целых эпох

в отношении проблемы истины, казалось бы, становится историей с приходом нового понимания философии, ее целей и средств решения философских проблем, которые были предложены аналитической философией. Математическая логика, выступая средством решения (или разоблачения) традиционных философских проблем, обещала свободу от различных философских подоплек, предлагая исключительно рациональное, всецело обоснованное, окончательное решение философских проблем. Проблема истины стала одной из первых в целом ряде классических проблем, решение которой средствами новой логики, казалось бы, поставило точку в истории ее развития.

Наиболее значимым событием философии XX в., изменившим расстановку сил в боях за истину, стала, теперь уже классическая, работа А. Тарского [1999]. Для подавляющего большинства философов появление этой работы казалось окончательным аргументом в спорах об истине, которые, к великому их облегчению, казались окончательными. Уже упомянутый К. Поппер передает это общее настроение: «Он (Тарский. – А. Х.) также позволил мне посмотреть гранки немецкого перевода своей великой работы о понятии истины, которые он только что получил от редактора «*Studia Philosophica*». Никакими словами нельзя описать, как много я из всего этого узнал, и никакими словами нельзя выразить мою благодарность» [Поппер, 2002. С. 304]. Однако к середине века силами Х. Филда, Дж. Этчименди и Х. Патнэма философы были изгнаны из «семантического рая Тарского». Результаты Тарского подверглись жесточайшей критике, как и само понятие истины. Найдя свои основания в идеях Ф. П. Рамсея, укрепив их трактовкой понятия истины как бессодержательного понятия, философы второй половины XX в. формируют новый, дефляционистский этап в истории интерпретации понятия истины. Согласно дефляционисту, схема эквивалентности Тарского – это единственная и полная трактовка понятия истины. Ничего большего в нем не кроется; «истина» – это логическое по своей природе понятие, и все те логические нужды, которым оно служит, были обнаружены Тарским. Любые претензии на что-либо большее, чем схема эквивалентности – это некое выражение «бессмысленного метафизического чаяния».

Несмотря на фактически тотальное господство дефляционизма на современной философской арене, в общем хоре голосов можно расслышать и критиков дефляционизма: Д. Дэвидсон, М. Дэвит, А. Гупта, М. Линч, К. Вригт. Но наиболее бескомпромиссным критиком дефляционизма выступает амбициозный проект Г. Шер (см.: [Sher, 2004; 1998–1999]). Автор окрестила его как проект «субстантивистской теории истины». И хотя непосредственно возникновение субстантивистской идеи было обусловлено неприятием формалистской трактовки истины дефляционистами, проект Шер противостоит той тенденции в трактовке понятия истины, которая корнями своими уходит в философию Канта, а в XX в. наиболее явно отставалась Джеймсом и Витгенштейном. Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы рассмотреть возможности субстантивистской теории истины применительно только к одной этой тенденции.

Согласно Г. Шер, развенчание истины как содержательного философского понятия началось задолго до эпохи дефляционизма. Источники этой тенденции содержатся, по меньшей мере, в философии Канта, и сама она может быть сформулирована как тезис «об отсутствии единства». Суть этого тезиса в том, что совершенно бессмысленно надеяться сформулировать единый критерий использования понятия истины, а следовательно, сама проблема нахождения критерия истины, которая традиционно в философии формулировалась в виде слишком абстрактного вопроса «что есть истина?», является бессмысленной проблемой. Современная формулировка тезиса об отсутствии единства выглядит, например, так: «Мы знаем конкретно, что делает [выражение «является истинным»] применимым к суждениям или предложениям данного языка. “Пингвины ковыляют” является истинным предложением русского языка, если и только если пингвины ковыляют. Истинно, что снег бел, если и только если снег бел. Причина, по которой предикат истины применим к первому предложению, состоит в том, в том, что пингвины ковыляют, а причина, по которой к утверждению, что снег бел применим предикат истины, в том, что снег бел. Но эти причины полностью различны. Нет единого рассмотрения, или даже небольшого семейства рассмотрений, в силу которого предикат истины применим к каждому

предложению данного языка; ковыляние пингвинов не имеет ничего общего с белизной снега. Таким образом, не может быть общего, универсального способа установления применимости предиката истины к предложениям данного языка» [Blackburn, 1984. P. 230].

Смысл тезиса об отсутствии единства состоит в том, что общий и содержательный критерий истины приведет к неразрешимому конфликту между общностью и частностью. Структура тезиса такова:

(а) Истина состоит в конкретном единстве предложения и соответствующего ему конкретного объекта;

(б) Общая теория истины должна, для того чтобы быть общей, абстрагироваться от конкретности этого отношения.

(с) Но субстантивная теория истины не может (если она должна быть в то же время универсальной и содержательной) отвлекаться от конкретных случаев применимости предиката истины, следовательно

(д) Субстантивная теория истины невозможна.

Субстантивистская теория не оспаривает справедливости этого тезиса. Сторонник субстантивизма просто рассматривает его как слишком переоцененный. Так, согласно Г. Шер, тезис об отсутствии единства критерия истинности не является сугубо философской проблемой. Он в равной степени применим к научному знанию. Столь широкая применимость тезиса требует спецификации сфер его приложения: «(а) вызов субстантивной теории *вообще*; (б) вызовы субстантивным философским теориям и (с) вызовы субстантивным теориями *истины*» [Sher, 2004. P. 12]. Применительно к науке тезис об отсутствии единства указывает как на различие в предметной сфере конкретных наук, так и на отсутствие межтеоретического единства, делая акцент то на предметной, то на концептуальной разобщенности научного знания. Шер указывает, что философы науки давно уже имеют дело с разобщенностью научного знания, и данное обстоятельство никоим образом не компрометирует ни научного знания самого по себе, ни философию науки.

Сопоставление тезиса об отсутствии единства критерия истины с тезисом о разобщенности научного знания, по мнению Шер, указывает выход из ситуации, которая казалась затруднительной со времен Канта

вплоть до дефляционистов. Согласно субстантивисту, философия должна прекратить вечный поиск унифицированного решения проблемы, по крайней мере, в случае проблемы истины. Философский интерес к истине должен быть столь же «плюралистичен», как научные исследования: он должен мириться с наличием разобщенности на разных уровнях исследования проблемы. С этой, уже методологической, точки зрения, нельзя говорить о том, что дефляционистская трактовка истины является ложной. Скорее, она просто недостаточна и дополнена иными уровнями анализа понятия истины. Недостаток дефляционистской трактовки в том, что она объявляет себя завершенной и полной.

Реализацией предлагаемой субстантивистами стратегии может считаться «умеренный плюрализм» в отношении теории истины, представленный Вригтом и Линчем. Вригт, например, доказывает возможность трактовки понятия истины в случае физики на основе принципа корреспонденции, тогда как в математике – на основе принципа когерентности. Сама же автор субстантивистской теории предлагает иной вид плюрализма: плюрализм в пределах корреспонденции. Ее идея заключается в том, что трактовка истины и в физике, и в математике должна быть основана на принципе корреспонденции, но в связи с тем, что физическое и математическое знание включают в себя различные аспекты языка и мира, их принципы корреспонденции различаются. Такое понимание плюралистичности критерия истинности лежит в основании того, что Г. Шер называет «уравновешенной теорией» (*balanced theory*) критерия истинности: теория, которая «уравновешивает» требование универсальности и требование разнообразия критерия истинности. Двумя важнейшими проблемами для любой из версий плюрализма критерия истинности является следующее: (1) в каком смысле различные принципы истинности могут рассматриваться как относящиеся к одной и той же проблеме; (2) как логический вывод может сохранять истинность при переходе от предложений, подчиняющихся одному критерию истинности к предложениям, подчиняющимся другим критериям истинности?

Сказанного, на наш взгляд, уже достаточно для того, чтобы оценить следствия, к которым может привести развитие субстан-

тивистской теории истины. Несмотря на то, что мы рассматривали субстантивизм только в связи с одним, далеко не самым важным в современных дискуссиях, аспектом проблемы истины, ясно, что субстантивистский проект требует тотальной ревизии наших представлений о том, каким критериям должна удовлетворять уважаемая теория истины.

Тарский видел задачу теории истины в том чтобы «сконструировать верное по существу и формально безукоризненное определение термина "истинное высказывание"» [Тарский, 1999. С. 19]. Нам кажется, что в том виде, в каком субстантивистская теория существует на данный момент, она нарушит оба этих требования: прежде всего, употребление понятия истины не предполагает какой-либо плюралистичности (ведь мы не меняем его значения при переходе от одной предметной сферы к другой: например, от физики к математике); плюралистичность критерия истинности делает сомнительной возможность создания единой теории логического следования, а необходимость столь же многообразных трактовок понятия следования, которая наверняка возникнет в случае плюралистичности критерия истинности, поставит вопрос о том, о логическом ли следовании вообще идет речь. Вполне возможно, что в будущем стороннику субстантивизма удастся избежать столь неприятных перспектив, но на наш взгляд, это обернется утратой той амбициозности, с которой субстантивисты приступают к реформе требований, предъявляемых к адекватной теории истины.

Противостояние дефляционистского и субстантивистского подходов, на наш взгляд, во многом определено разным пониманием того, каким должно быть адекватное решение проблемы истины. Общее требование, предъявляемое к адекватной теории истины, выраженное А. Тарским, может быть сформулировано более подробно, раскрывая условия того «семантического рая», в котором оказались благодаря его стараниям современные теоретики истины:

(i) Определение истины должно применяться к языку L , который является упорядоченной формой нашего естественного языка. По крайней мере, L должен быть достаточно богатым для выражения в нем всей математики.

(ii) Определение истины должно быть «полным» в том смысле, что оно должно

быть применимо к синтаксическому описанию каждого правильно построенного предложения *S* из языка *L*, давая положительный ответ об истинности, только если *S* истинно.

(iii) Определение истины должно быть сформулировано в самом языке *L*, а не в каком-либо метаязыке с более сильной и, следовательно, более проблематичной семантикой.

(iv) Определение истины должно в прямом смысле говорить нам, что значит для предложения быть истинным, а не только определять некоторое абстрактное отношение соответствия между предложением и фактом «вне него». В идеале определение должно быть кодификацией способов, которыми мы действительно верифицируем и фальсифицируем предложения.

(v) Определение должно быть независимым от частной модели *M*, в которой оно применяется. Оно должно ассоциировать с помощью независимого от *M* метода, каждому предложению *L* другое предложение, которое выражает его условия истинности [Hintikka, 1991. P. 1–2].

Безусловно, возможны споры о том, все ли эти требования должны считаться необходимыми для адекватной теории истины. Но трудно себе представить современного философа, отрицающего значимость большей части указанных требований и готового отказаться от этого «семантического рая». Тем не менее нам кажется, что в основании как критики теории Тарского сторонниками дефляционистского подхода, так и в амбициозных прожектах сторонника субстантивистской теории можно различить скрытые предпосылки, различия между которыми обуславливают разное понимание важности указанных требований, предъявляемых к теории истины. Противостояние этих предпосылок не в последнюю очередь определили дебаты об истине во второй половине XX в. Это различие обуславливает то, как оценивается сторонником того или иного направления соответствие полученного результата указанным требованиям. Данные направления определяются различием между интерпретацией языка как универсального посредника и как исчисления и касаются различия в характеристике отношения языка к реальности.

Принципы универсалистской традиции могут быть сформулированы следующим образом. Прежде всего, человек является

узником языка – он не может выйти за его пределы, не может переинтерпретировать его на более высоком уровне и, как следствие, не может выразить его семантику в самом языке. Следовательно, единственно возможное в логической теории – формулировка чисто формальных систем. Металогика или модельная теория были попросту невозможны. Точнее, предметный язык и метаязык должны быть поняты «локально», как части данного языка, единственного языка, которым мы располагаем. Наиболее важным следствием запрещения металогик является понятие истины: понятие истины характеризует отношение предложений языка к миру, и, следовательно, это отношение невыразимо в универсалистской интерпретации языка. Помимо этого невозможна и переинтерпретация языка, точнее, невозможно теоретизировать о подобного рода изменениях. Например, в универсалистской традиции на решение проблемы аналитических истин накладывается следующее ограничение: «Нет смысла говорить о других возможных мирах, или даже о других интерпретациях нашего языка (или формального языка Фреге). Следовательно, логические истины не могут быть объяснены *a la* Лейбниц (или *a la* Карнап) как истины в каждом возможном мире. Логические истины для Фреге являются истинами об *этом* мире, хотя о его наиболее абстрактных аспектах. Это объясняет характеристику им аналитических истин как основанных исключительно на общих законах и определениях, характеристика, позже повторенная Куайном. Эти характеристики основаны на предположении, которое Рассел однажды выразил в своей неподражаемой манере, сказав, что “логика связана с действительным миром так же, как зоология, хотя и с его наиболее общими и абстрактными характеристиками”» [Hintikka, 1997. P. 105]. Наиболее известными представителями универсалистского подхода к языку были Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, У. Куайн.

Универсалистской традиции противостоит понимание языка как исчисления, представленное работами Буля, Шредера, Левенгейма, К. Геделя, позднего Р. Карнапа, А. Тарского. Классическим примером реализации этого подхода является модельная теория. Модельная теория предполагает возможность переинтерпретации языка, будь он естественным или формальным – она

предполагает идею языка как исчисления. Принципиальными понятиями модельно-теоретической традиции являются понятие универсума рассуждения и понятие истины, выразимое в метаязыке. Несмотря на то, что у основания универсалистского подхода стоят фактически имена создателей современной математической логики, доминирующей оказалась интерпретация языка как исчисления: «Фактически, несмотря на то, что, как кажется, говорят многие философы, большая часть работ в абстрактной логике заключается не в дедукции теорем из аксиом таких теорий как теория групп, теория полей и пр., а в выводе метатеоретических результатов, касающихся аксиоматически теорий и их моделей» [Ibid. P. 106–107]. Наиболее важным для модельно-теоретической традиции является допущение выразимости понятия истины в метаязыке, знаменитый результат А. Тарского в этом отношении является парадигмальным. Он признает справедливость универсалистской интерпретации объектного языка, но в то же время демонстрирует возможность определения понятия истины в метаязыке: «Характерной особенностью обыденного языка (в противоположность различным научным языкам) является его универсальность. <...>. Именно этот универсализм обыденного языка в сфере семантики является положительным существенным источником всех так называемых семантических антиномий, таких как антиномия лжеца или антиномия гетерологических выражений; эти антиномии, по-видимому, просто указывают, что на почве каждого языка, который был бы в вышеуказанном смысле универсальным и который бы при этом подчинялся обычным законам логики, должно возникнуть противоречие» [Тарский, 1999. С. 32–33]. Метаязык позволяет справиться с подобными трудностями, порожденными универсалистскими характеристиками языка. Знаменитая теория А. Тарского демонстрирует возможность определения истины для формальных систем; модельно-теоретическая традиция развивалась применительно к эксплицитно сформулированным формальным языкам и только впоследствии была распространена на естественные языки.

Сторонники модельно-теоретической традиции и традиции интерпретации языка как универсального посредника будут по-разному оценивать значимость даже сугубо

технических результатов, полученных в ходе разработки теории истины. Если для представителя модельно-теоретического подхода такие характеристики формальных систем, как непротиворечивость и полнота являются не просто важными, но исследования связанных с ними проблем считаются ключевыми для понимания природы знания и решения таких классических вопросов, как природа истины, то проponent универсалистского подхода будет относиться к исследованиям подобных формальных свойств системы в лучшем случае как к неотносящимся к делу техническим изысканиям.

На наш взгляд, во второй половине XX в. появляются два новых подхода в разработке теории истины, которые могут отчасти снять противостояние универсалистского и модельно-теоретического подходов в понимании языка, по крайней мере, в сфере дебатов об истине: это независимо-дружественные логики Я. Хинтикки и субстантивистская парадигма Г. Шер. Состояние развития данных подходов еще не позволяет сколько-нибудь точно предсказывать их будущий вклад в развитие проблемы истины, тем не менее сам факт учета при их формулировке обеих позиций позволяет этим надеждам быть, хотя бы отчасти, обоснованными.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Ред. В. Ф. Асмус М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
- Поппер К. Р.* Философские комментарии к теории истины Тарского // Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 301–319.
- Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 9–177.
- Blackburn S.* Spreading the World. N. Y.: Oxford, 1984. 315 p.
- Hintikka J.* Defining Truth, the Whole Truth and Nothing but the Truth // Reports from the Department of Philosophy University of Helsinki. 1991. No. 2. 72 p.
- Hintikka J.* On the Development of the Model-theoretic Viewpoint in Logical Theory // Hintikka J. Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of

Twentieth-Century Philosophy. Kluwer Academic Publishers. 1997. P. 104–139.

Sher G. In Search of a Substantive Theory of Truth // The Journal of Philosophy. 2004. Vol. CI. No. 1. P. 5–36.

Sher G. On the Possibility of a Substantive Theory of Truth // Synthese. 1998–1999. Vol. 117. No. 1. P. 133–172.

Материал поступил в редколлегию 01.09.2008

A. V. Khlebalin

About the Preconditions for Understanding Adequacy Criterion of the Truth Theory

In the article is investigated the problem of the confrontation between deflational and substantive approaches to the solution of the problem of adequacy criterion of the truth theory. It is demonstrated that the understandings as of that, to which criterion should answer the adequate truth theory, as of these criterion themselves are stipulated by two fundamental logic-epistemological preconditions in language interpretation: a language treatment as a calculation and as a universal medium.

Keywords: the truth, adequacy criterion of the truth theory, substantivism, deflationism.